

Принципы законодательства о крестьянской реформе 1861 г.

Principles of the legislation on the peasant reform of 1861

Берлявский Л.Г.

д-р истор. наук, канд. юрид. наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», г. Ростов-на-Дону
e-mail: berlg@yandex.ru

Berlyavskiy L.G.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Rostov-on-Don State University of Economics, Rostov-on-Don
e-mail: berlg@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрены основные принципы законодательства о крестьянской реформе 1861 г. в контексте аграрных реформ Российской империи и революционных преобразований на селе советского периода. Показано, что крестьянская реформа стала переломным моментом отечественной истории, определившим основной вектор развития государства и общества. Проанализированы причины обращения современных исследователей к изучению законодательства о крестьянской реформе 1861 г. В статье обоснован вывод о том, что незавершенность крестьянской реформы, нерешенность аграрного вопроса до 1917 г. предопределили формирование государственно-правовых основ аграрного строя в нормах первых декретов советской власти и последующем законодательстве.

Ключевые слова: принципы, законодательство, крестьянская реформа, Российская империя, государственно-правовые основы, аграрный строй.

Abstract

The basic principles of the legislation on the peasant reform of 1861 are considered in the context of the agrarian reforms of the Russian Empire and the revolutionary transformations in the countryside of the Soviet period. It is shown that the peasant reform became a turning point in Russian history, which determined the main vector of development of the state and society. The reasons for the appeal of modern researchers to study the legislation on the peasant reform of 1861 are analyzed. The article substantiates the conclusion that the incompleteness of the peasant reform, the unresolved agrarian issue before 1917 predetermined the formation of the state and legal foundations of the agrarian system in the norms of the first decrees of the Soviet government and subsequent legislation.

Keywords: principles, legislation, peasant reform, Russian Empire, state and legal foundations, agrarian system.

Крестьянская реформа 1861 г. представляла собой систему законодательных актов, в результате реализации которых в Российской империи было отменено крепостное право и введено крестьянское самоуправление. Крестьянская реформа стала ключевым событием Великих реформ 1860–70-х гг., поскольку она была нацелена на отмену крепостного права.

Под крепостным правом понималась совокупность юридических норм, закреплявших наиболее полную форму зависимости крестьянства от помещиков. Крепостное право включало запрещение крестьянам уходить со своих земельных наделов, прикрепление крестьян к земле, наследственное подчинение вотчинной (административной и судебной) власти помещика, лишение крепостных крестьян права отчуждать земельные наделы и ограничение в праве приобретать недвижимость. Принято отличать крепостничество как систему социальных отношений от крепостного права как юридической формы их выражения.

Крестьянская реформа стала переломным моментом отечественной истории, на десятилетия вперед определившим основной вектор развития государства и права. Неслучайно отмена крепостного права и весь комплекс Великих реформ привлекает внимание исследователей. Все исследовательские работы, посвященные отмене крепостного права, следует разделить по хронологическому принципу на три больших временных промежутка: труды второй половины XIX – начала XX в., советский период и современный. Историография крестьянской реформы 1861 г., созданная во второй половине XIX – начала XX в., весьма значительна. Постепенно в ней выделилось три направления: консервативно-монархическое, либеральное и марксистское [21, с. 17].

Консервативно-монархическое направление было представлено в основном работами публицистов и мало чем обогатило научный анализ законодательства о крестьянской реформе 1861 г. Гораздо более плодотворной в освоении данной темы оказалась так называемая государственная школа в российском дореволюционном правоведении и историографии.

Так, видный историк, правовед и публицист либеральной ориентации К.Д. Кавелин, отстаивая решающую роль государства в истории России, не считал необходимым невведение конституции. Основным стержнем русской истории с середины XVIII столетия он признавал «постепенное упразднение крепостного начала» в отношении, во-первых, дворянства, духовенства и купечества, во-вторых, «разнородных средних слоев общества», в-третьих, казенных крестьян и, наконец, крестьян помещичьих [21, с. 14].

В марксистской доктрине разработка государственно-правовых основ будущего общественного строя происходила достаточно противоречиво, не отрицая проведение реформ в аграрной сфере. Так, в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) среди десяти мер, которые «в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены» были указаны: экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов, а также соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней [15, с. 446, 447].

К. Маркс относительно крестьянской реформы в России заметил, что «принудительная продажа в интересах государства существовала у всех цивилизованных наций; но принудительная покупка - русское изобретение!» [1, с. 35].

При этом Ф. Энгельс в одной из своих последних работ «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894 г.) утверждал, что «как только наша партия овладеет государственной властью, ей надо будет просто экспроприировать крупных землевладельцев, точно так же как промышленных фабрикантов». Произойдет ли эта экспроприация с выкупом или без него, будет зависеть большей частью от поведения крупных землевладельцев. «Мы вовсе не считаем, что выкуп недопустим ни при каких обстоятельствах; Маркс высказывал мне - и как часто! - свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды» [16, с. 523].

Оценка крестьянской реформы 1861 г. В.И. Лениным сводилась к тому, что «крестьян "освобождали" в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники» [12, с. 140].

В своем программном сочинении «Государство и революция» (август–сентябрь 1917 г.) В.И. Ленин в максимально обобщенной форме настаивал на том, чтобы все народное хозяйство было организовано как почта, с тем чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата при условии уничтожения парламентаризма. Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы [13, с. 50, 101].

При этом государственно-правовые основы будущего аграрного строя накануне прихода партии большевиков к власти конкретизированы не были. Неслучайно видный советский юрист П.И. Стучка в своем предисловии (1923 г.) к книге ведущего теоретика германской социал-демократии К. Каутского «Аграрный вопрос» проанализировал законы о выкупе части имений и платном наделении выкупленной землей крестьян в Ирландии, Дании, Англии, Шотландии, Испании, Голландии. Аграрный вопрос был сведен Стучкой к вопросу о существовании человека. По его мнению, Каутский с экономической точки зрения забывает одно: диктатура пролетариата получает в свои руки такое мощное орудие, как влияние на всю совокупность мелких хозяев, вовлекая их в свой общегосударственный план [25, с. VII, VIII, XIX].

Причины обращения современных исследователей к изучению законодательства о крестьянской реформе 1861 г. заключаются в том, что до 1917 г. в России – крестьянской, по сути, стране – так и не был решен главный вопрос – земельный. Реформы П.А. Столыпина были «половинчатыми», несмотря на всю масштабность этой личности. Временное правительство, деятельность которого вообще была малопродуктивной, также не стало его решать [11, с. 18].

В Манифесте 19 февраля 1861 г. были определены принципы законодательства («главные начала») о крестьянской реформе:

1. Личное освобождение «крепостных людей» – предоставление им полных прав свободных сельских обывателей, но не одновременно, а «в свое время».

2. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежавшие им земли, предоставляли крестьянам за установленные повинности в постоянное пользование их усадьбы «и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред правительством», определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

3. Установление временнообязанного состояния: пользуясь поземельным наделом, крестьяне были обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в положениях повинности.

4. Выкупная операция: предоставление помещичьим крестьянам права выкупа их усадеб, а с согласия помещиков они могли приобретать в собственность полевые земли и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование. Только по завершении выкупной операции бывшие крепостные вступали в «решительное состояние свободных крестьян-собственников».

5. Особым положением о дворовых людях определялось для них двухлетнее переходное состояние, по истечении которого они получали полное освобождение [23].

Определение принципов законодательства о крестьянской реформе приобретало особую значимость с учетом того, что «Положения 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», Манифест, Указ Правительствующего сената и другие документы – всего 22 акта составили значительный по объему том в 360 страниц, который затем дополнялся иными нормативными актами.

В последнее время появились исследования, показывающие на основе новых архивных данных, впервые вводимых в научный оборот, какую роль сыграла реформа 1861 г. в улучшении условий жизни крестьян, в росте их благосостояния. Исследования в области социальной антропологии показали, что уровень жизни в стране в пореформенное время повысился. За время с 1851–1860 по 1911–1915 гг. рост представителей мужского населения увеличился в России на 4,1 см. О повышении благосостояния российского

народа свидетельствует и соответствие в пореформенной России индекса массы тела, который показывает уровень питания в общепринятой норме. Эти факты в совокупности со стремительным прогрессом в промышленности и сельском хозяйстве позволили Б.Н. Миронову, С.В. Мироненко говорить о том, что «в России после отмены крепостного права произошло настоящее экономическое чудо» [21, с. 685-686].

Однако другие исследователи, в частности, академик Б.В. Ананьич, подвергли резкой критике предложенный Б.Н. Мироновым антропометрический подход к решению проблемы [17, с. 59-73]. Как представляется, если базироваться на подобном подходе, то наиболее развитым в настоящее время следует признать самый высокий с точки зрения человеческого роста африканский народ тутси (средний рост мужчины – 193 см, женщины – 175 см), большая часть которого живет родоплеменным строем.

Заслуживает внимания мнение С.В. Мироненко о том, что в результате реформы 1861 г. не удалось создать таких условий, при которых реставрация крепостного права была бы невозможна. По его мнению, сталинское руководство сумело посадить на мясочину, т.е. на трудодни всю страну, чего не было в самые страшные времена крепостного права [21, с. 686]. Если с первым положением можно целиком согласиться, то второе представляет собой существенное упрощение вопроса о государственно-правовых основах советского аграрного строя.

В связи с нерешенностью аграрного вопроса до 1917 г. (отрезки составили не менее 20 процентов дореформенного крестьянского земельного фонда, временнообязанное состояние консервировалось в течение 20 лет, выкупные платежи были отменены только 1 января 1907 г.), формирование основ аграрного строя закреплялось в нормах первых декретов советской власти. Современная оценка первых декретов советской власти сводится к тому, что эти правовые акты помогли обеспечить массовую поддержку новой власти, установившейся в стране после вооруженного восстания 25 октября 1917 г. [14, с. 27].

Ведущим элементом советского аграрного строя в данный период являлись коллективные хозяйства (колхозы), при этом советские хозяйства (совхозы), единоличные хозяйства, личные подсобные хозяйства колхозников занимали подчиненное положение по отношению к колхозам. Рассматривая, в частности, процесс развития колхозного права в Советском Союзе, прежде всего, следует указать на существующее в научной литературе различие мнений о том, когда начинается формироваться данная отрасль советского права [3, с. 40-53]. Как правило, исследователи склонны относить становление основ колхозного права к первому советскому десятилетию, когда были приняты Декрет «О земле» от 27 октября 1917 г., «Основной закон о социализации земли» от 27 января 1918 г., Положение «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г., иные нормативные акты периода, предшествовавшего сплошной коллективизации [9, с. 12, 16].

Данная точка зрения своим истоком имеет следующее утверждение И.В. Сталина в беседе со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г.: «К организации колхозов Ленин звал партию еще с первых дней Октябрьской революции. С тех пор пропаганда идеи колхозов не прекращалась у нас в партии. Однако призыв к строительству колхозов нашел массовый отклик лишь в последнее время» [24, с. 196].

Подобная позиция распространена как в советской, так и постсоветской юридической литературе. В частности, О.И. Чистяков считал, что в годы гражданской войны, когда партия большевиков взяла курс на установление тесного союза рабочего класса с середняком, получила распространение и такая форма колхоза, как артель [15, с. 335].

Существуют, однако, и иные взгляды. Так, по мнению В.М. Сырых, основы колхозного права формируются в 1926–1935 гг., т.е. «намного позднее остальных отраслей советского права» [30, с. 221]. Ряд авторов были уверены в том, что «в начале

тридцатых годов в системе советского права возникла новая отрасль - колхозное право и были изданы первые нормативно-правовые акты специально для регулирования колхозных отношений» [2].

Именно в это время П.И. Стучка констатировал, что грандиозное колхозное движение ставит вопрос о новой правовой структуре для всей деревни: «Наступает время снять средневековые правовые оковы с крестьянской семьи-двора, не говоря уже о коренной ломке государственной жизни деревни, о которой будет речь ниже. Конечно, эти вопросы являются в первую очередь экономическими и социальными. Но где еще так тесно связаны экономика и право, как не в этих отношениях крестьянской семьи-двора, где наряду с новыми еще сохранились пережитки докапиталистического уклада?» [26, с. 150].

Полагаем, что мнение видного теоретика и историка права В.М. Сырых и его сторонников об относительно позднем формировании основ колхозного законодательства в СССР отнюдь не беспочвенно. Действительно, только ближе к концу 1920-х гг. и в начале 1930-х гг. партийно-советское руководство предпринимает активные, целенаправленные меры по созданию и максимальному расширению колхозной системы, что настоятельно требовало и детальной разработки соответствующей правовой базы. В данное время колхозное право из комплекса сравнительно немногочисленных нормативно-правовых актов превратилось в особую и весьма важную отрасль советского законодательства, стало разветвленным и структурированным.

Проблема коллективизации, затрагивающая судьбы миллионов людей, была и остается в наше время предметом острых споров. Здесь главная тема – преимущества или пороки коллективного способа ведения сельского хозяйства в сравнении с частным [8, с. 265].

Декрет о земле был принят на втором заседании II Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов в ночь с 26 на 27 октября (в 2 часа ночи 27 октября). Состоит он из двух не равных по объему частей: собственно декрета в объеме 4 пунктов и крестьянского «Наказа», составленного на основе 242 местных крестьянских наказов о земле, из 8 пунктов и целого ряда уточнений и дополнений.

Декрет о земле исполнил главнейшее требование российского крестьянства – безвозмездную передачу хлеборобам дворянских владений: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», а помещичьи, удельные, монастырские, церковные земли, со всем инвентарем, постройками и пр., «переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов». Помимо этого, Декретом провозглашалась отмена частной собственности на землю («право частной собственности на землю отменяется навсегда»), превращение земли во «всенародное достояние» и переход ее «в пользование всех трудящихся на ней» по трудовой или потребительской норме, на принципах уравнительности. Вводился запрет аренды и купли-продажи земли, а также наемного труда. Предусматривалась свобода форм землепользования (подворная, хуторская, общинная, артельная) в зависимости от решения жителей тех или иных сельских населенных пунктов [27].

Оценка Декрета о земле исключительно с классовых позиций была характерна для первого десятилетия после его принятия. По мнению одного из разработчиков первой советской конституции М.А. Рейснера, положения декрета предполагали самое справедливое разрешение земельного вопроса, так как они не только указывали на вековую преемственность крестьянской справедливости, но и говорили о том, что революционные крестьяне свои требования ставили не как выражение временных хозяйственных интересов, но как вывод из сознания классового права, как оно сложилось в духе старой мужицкой «правды-справедливости». При этом говорить о рождении крестьянских правовых требований в результате двухлетней политики истребления буржуазии совершенно не приходится. Подобно пролетариату, крестьяне пришли в революцию со своим классовым правом [15, с. 215].

Вместе с тем, содержание Декрета о земле дало повод, как современникам большевиков, так и позднейшим исследователям и публицистам утверждать, что большевистская партия и лично В.И. Ленин отказались от собственной аграрной программы, предусматривавшей национализацию земли (передача прав собственности на землю в руки государства) и заменили ее «эсеровской аграрной программой социализации», в соответствии с которой не государство, а народ (конкретно – местные, локальные сообщества и избираемые ими органы самоуправления) должен был выступать владельцем и распорядителем земли. В частности, в выходящих на протяжении первых лет советской власти отдельных научных изданиях, где предпринимались попытки дать периодизацию развития аграрного законодательства в РСФСР, первый этап этой периодизации трактовался как этап «левоэсеровский» [10, с. 3].

Для подобных утверждений имелись определенные основания. Содержание Декрета позволяет уверенно говорить о том, что он, с формальной точки зрения, действительно был заимствован большевиками у эсеров и содержал в себе не большевистскую, а эсеровскую аграрную программу. По крайней мере, в Декрете о земле не использовался термин «национализация», и речь в нем по существу шла именно о социализации земельных имуществ.

Тот факт, что большевики заимствовали положения аграрной программы эсеров, вполне объясним. Сами эсеры так и не предприняли практических шагов по реализации своей программы, не сделав этого даже тогда, когда их лидер В.М. Чернов весной – летом 1917 г. занимал пост министра земледелия Временного правительства. При этом положения о социализации земли полностью соответствовали ожиданиям и настроениям крестьянства, которое, к тому же, не дожидаясь никаких узаконений, самочинно захватывало и делило помещичьи имения. Правильно оценивая специфику текущей политической ситуации в стране, большевики перехватили эсеровские лозунги и, таким образом, заручились поддержкой огромного большинства населения деревни.

Если взглянуть на ситуацию с точки зрения права, то заслуживают поддержки утверждения советских юристов 20-х годов о том, что «стихийное, массовое устремление [крестьянства] к уравнительному распределению земель в начальной стадии аграрной революции не только предопределило... аграрную политику, но и весьма сильно отразилось на земельном законодательстве» советской власти [6, с. 81], в котором нормативно были закреплены уравнительность и социализация земли.

В советской научной литературе совершенно справедливо подчеркивалось, что, хотя с юридической точки зрения Декрет не провозглашал национализацию земли, фактически речь в нем шла именно об этом. В Декрете о земле формально провозглашалась социализация, так как это соответствовало «крестьянскому пониманию отмены частной собственности на землю и передаче ее в пользование общества. Однако фактически отмена частной собственности на землю и превращение ее в общенародное достояние означали национализацию – установление государственной собственности на землю» [4, с. 29].

В законодательстве и правоведении того периода понятия «общенародная» и «государственная» собственность в СССР являлись синонимами. Достаточно упомянуть Конституцию СССР 1936 г., в которой указывалось, что «социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности» (ст. 5), а «земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики» и подобные им объекты «являются государственной собственностью, то есть общенародным достоянием» (ст.6) [7].

Важно, что с точки зрения советского права, понятие «государственное» означало именно «общенародное» (или наоборот). В рамках такого подхода Декрет о земле, действительно, фактически стал отправной точкой национализации земельного фонда.

С точки зрения современных исследователей, Декрет о земле, также как и Декрет о мире, имел определенную пропагандистскую и идеологическую направленность. Однако

он был более конкретен и менее утопичен. «Как известно, в этом документе была реализована земельная программа не большевиков, а эсеров. Более того, Декрет о земле узаконил произведенные крестьянами самозахваты помещичьих земель» [19, с. 22].

Показательно, что лозунг «социализации» присутствовал в нормативных актах сравнительно недолго. Через три месяца после принятия Декрета о земле – в январе 1918 г. – был издан декрет ВЦИК с недвусмысленным названием «Основной закон о социализации земли» [18, с. 10]. В соответствии с программой социализации в нем указывалось, что «земля без всякого (явного или скрытого) выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа» [5, с. 407].

Следует обратить внимание на то, что в данном нормативном акте не только не упоминается об исключительной государственной собственности на землю и другие природные ресурсы, но наоборот подчеркивается (ст. 1): «Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда». Уже в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. эта формулировка будет существенно уточнена, и речь пойдет о том, что «отменяется навсегда» частная собственность на землю и иные природные ресурсы [20, с. 55].

В Конституции РСФСР 1918 г. применительно к основам аграрного строя было указано: «В осуществлении социализации земли, частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования» (гл. 2, ст.3, п. «а») [27].

Однако уже к 1919 г. в официальных актах советского правительства вместо термина «социализация земли» используется категория «национализация». В данном случае заслуживает отдельного упоминания такой нормативный акт, как «Положение о социалистическом переустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», принятый ВЦИК 14 февраля 1919 г. По существу данный акт носил программный характер: в нем без всяких оговорок были изложены положения собственно большевистской, коммунистической программы аграрных преобразований, нацеленной на установление основ нового аграрного строя. В «Положении» прямо указывалось, что «вся земля» в пределах РСФСР «считается единым государственным фондом» и находится в «непосредственном заведовании и распоряжении соответственных Народных Комиссариатов» [28].

О том же говорилось в Земельном кодексе Советской России 1922 г.: «Все земли в пределах РСФСР, в чьем бы ведении они ни состояли, составляют собственность Рабоче-Крестьянского государства», а земли сельскохозяйственного назначения «составляют единый государственный земельный фонд, который находится в заведывании Народного Комиссариата Земледелия и его местных органов» [29].

Важно подчеркнуть, что помимо огосударствления земли большевики сразу же стали фиксировать в нормативно-правовых актах свои представления о наилучшей форме организации сельскохозяйственного производства, каковой они считали коллективное хозяйство, колхоз. Опять-таки, первым шагом в указанном направлении стал Декрет о земле, в котором указывалось [27]. Упомянутая в Декрете артельная форма пользования землей с полным правом может рассматриваться как форма общественного, коллективного земледелия – то, что впоследствии в нормативных актах Советского Союза назовут «сельскохозяйственной артелью», «коллективным хозяйством», «колхозом».

В «Основном законе о социализации земли» (январь 1918 г.) неоднократно отмечалась приверженность коллективным формам хозяйствования на земле. В данном акте указывалось, что советская власть считает своей задачей «развитие коллективного хозяйства в земледелии... в целях перехода к социалистическому хозяйству» и будет предоставлять «преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным» [5, с. 408, 416.]. В примечании к разделу III «Основного закона о социализации земли» четко разъяснялось, что «при установлении

порядка передачи земли в пользование, предпочтение отдается трудовым сельскохозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами» [5, с. 410].

Таким образом, государственно-правовые основы социалистического аграрного строя были заложены в 1917–1919 гг. В это время в советском законодательстве был с предельной ясностью закреплён курс на коллективизацию и общественное земледелие, были изложены правила и нормы создания, устройства, деятельности различных форм колхозов, среди которых наиболее близкой идеалам социализма считалась сельскохозяйственная коммуна. В данный период были разработаны примерные уставы коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли.

Однако бурного развития колхозного права, как и повсеместного перехода крестьян к пропагандируемым советской властью формам коллективного земледелия во время Гражданской войны не случилось. Ведущей причиной этого стало резко негативное отношение большинства российских земледельцев к колхозам. Подавляющее большинство хлеборобов в РСФСР выступали за индивидуальное ведение хозяйства, отдавая предпочтение общинному и подворному землепользованию. Показательно, что в 1920 г. в колхозах состояли только 0,5% крестьянских хозяйств Советской России [22, с. 155].

Неприятие колхозов со стороны российских хлеборобов лишь усиливалось в связи с радикальными мерами местных представителей власти, пытавшихся в приказном порядке распространить повсюду коллективные формы земледелия в ущерб индивидуальным, как того требовал закон.

Уже в 1920-х гг. исследователи без прикрас отмечали, что «Положение о социалистическом переустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г., понятое местными партийными функционерами и чиновниками «как альфа и омега аграрной политики советской власти и предписанное центром к проведению в категорической форме, проводилось на местах весьма прямолинейно, что на практике привело к ряду недоразумений» [6, с. 86-87]. В числе последних назывались выделение лучших земель колхозам, а худших – единоличникам, изъятие земли у крестьян в пользу коллективов, прямое принуждение к вступлению в коллективные хозяйства.

В условиях Гражданской войны, когда российское крестьянство ощутило себя мощной социальной группой, способной успешно отстаивать в борьбе с властью свои собственные представления о наилучшем социально-экономическом устройстве, любые попытки советских органов на словах или на деле принудить хлеборобов к вступлению в коллективные хозяйства вызвали протесты подавляющего большинства сельских жителей.

С другой стороны, следует согласиться с выводами крупнейших советских исследователей контрреволюции И.И. Минца, Г.З. Иоффе, А.Л. Литвина и других о том, что несостоятельность земельного законодательства омского правительства явилась неизбежным следствием классово-политической позиции буржуазно-помещичьей диктатуры Колчака. Аналогичные выводы сделаны относительно земельного законодательства правительств А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. Советское аграрное законодательство, несмотря на все его издержки, в глазах крестьян выглядело предпочтительнее [19, с. 606, 619, 633].

Таким образом, незавершённая крестьянская реформа 1861 г., нерешённость аграрного вопроса до 1917 г. предопределили формирование государственно-правовых основ аграрного строя в нормах первых декретов советской власти и последующем законодательстве.

Литература

1. Архив Маркса и Энгельса. – Москва: Госполитиздат, 1952. – 184 с.
2. *Беляева З.С.* Источники колхозного права. – Москва: Наука, 1972. – 255 с.

3. *Берлявский Л.Г., Бондарев В.А.* Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 384 с.
4. *Вылцан М.А., Данилов В.П., Кабанов В.В., Мошков Ю.А.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории. – Москва: Колос, 1982. 399 с.
5. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. 640 с.
6. *Евтихиев И.И.* Земельное право. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. 186 с.
7. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
8. История отечественного государства и права. Ч.2/под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 2002. 544 с.
9. *Каландадзе А.* История колхозного права до сплошной коллективизации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1950. 33 с.
10. *Книпович Б.Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917 – 1920). [М.,] 1920. 46 с.
11. *Корнев А.В.* Правопонимание в эпоху революций //Журнал российского права. 2017. № 9. С.16-24.
12. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 20.
13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.33.
14. *Максимова О.Д.* Законотворчество в Советском государстве 1917-1936 годах: дис.... д-ра юрид. наук. – Москва, 2015. 484 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.22.
17. *Миронов Б.Н.* Мифологема о системном кризисе в России после Великих реформ 1860-1870-х годов //Труды Института российской истории. Вып. 7 /отв. ред. А.Н. Сахаров. – Москва, 2008. С.59-73.
18. Очерки по истории органов советской государственной власти (материалы к изучению истории советского государства и права) /С.А. Голембо, И.И.Евтихиев, А.И. Лепешкин и др. М.: Госюриздат, 1949. 359 с.
19. Памятники российского права. В 35 т. Т. 23. Первые декреты советской власти /под общ. ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 488 с.
20. Памятники российского права. В 35т. Т.25. Природоресурсное и природоохранное законодательство РСФСР /под общ. ред. С.А. Боголюбова, Р.Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2016. 448 с.
21. Памятники российского права в тридцати пяти томах. Том XII. Крестьянская реформа 1861 года в Российской Империи / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова и Ю.Ю.Иерусалимского. М.: Юрлитинформ, 2016. 504 с.
22. *Поляков Ю.А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 511 с.
23. ПСЗ. Собрание второе. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36650.
24. *Сталин И.В.* На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. //Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – Москва: Госполитиздат, 1953. С.191-201.
25. *Стучка П.И.* Предисловие //Каутский К. Аграрный вопрос. – Москва: Либроком, 2012. С.III-XVII.
26. *Стучка П.И.* Революционная роль советского права. – Москва: Советское законодательство, 1934. – 158 с.
27. СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст.3.
28. СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.
29. СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст.901.
30. *Сырых В.М.* История государства и права России. Советский и современный периоды. – Москва: Юрист, 2000. 488 с.